
Пролог

Хамза. Священное Писание четырёх королевств

Однажды четыре могущественных бога прибыли на Землю из своих вечных покоев Нахнила, чтобы звоном оповестить о начале эпохи людей. Боги изгнали прежних сильных правителей — альбов, которые объединились с саурийцами и драконами и лишили их бывшего могущества.

Калипар — бог справедливой борьбы — первым пришел на Землю. С помощью темной магии он сотворил черный песок, из которого построил собственное королевство и создал людей. Некоторых из них Калипар наделил особой силой и даровал им способность управлять песком.

Второй на Землю сошла богиня Араса. Как богиня мудрости, она создала королевство золотой пыли, подарила людям жизнь и знание. Она приоткрыла им врата в мир богов и предложила избранным все свое золото, чтобы они могли видеть больше и дальше, чем обычные люди.

Третьим богом, оказавшимся на Земле, был Тунис. Хранитель подземного мира, он оживлял людей и наделял их крыльями, на которых они могли попасть в другое царство. Свои владения он соорудил из красного пепла — сожженной крови его предков, чтобы навечно связать их с собой.

Последней на Землю ступила Эмза. Она распространила лед вокруг себя и заморозила все живое. И она же создала людей, стойких к холоду, и подарила им мир голубого льда, окруженный замершей жизнью.

Альбы ушли из королевств и поселились на бескрайних землях за их пределами, но не сдались. Объединив силы, они создали четыре маски смертных, которые делали их носителей людьми в глазах богов.

Боги же объединились с людьми, чтобы преодолеть разрыв между небом и землей. Они основали род богов, потомкам которых суждено было править до окончания времен. Благородная кровь, текшая в жилах представителей рода, сделала их бессмертными. Ведь править мог только тот, кто способен был заприщать королевство веками и имел безграничную власть.

Правда, боги не видели истинных лиц своих врагов, которых по-настоящему любили и сами сделали бессмертными.

Глава I

Сиянье хрустального льда
Пульсирует на небосводе,
Лучится до самой пустыни
Цветом черного турмалина.

На Землю злой дух явился,
Чтоб свет ледяной забрать.
Четыре народа едиными
Больше не смогут стать.

Песня сама собой соскальзывает с моих губ, пока я натягиваю черные кожаные брюки.

— Араса, *позволь мне пройти через королевство света, любви и исцеления! Стань моим щитом, ведь у тебя есть золотая пыль*, — шепчу я молитву, которую раньше часто читала с мамой, и одновременно перевязываю грудь черной повязкой перед тем, как надеть плотную верхнюю часть костюма — тахилл.

— *Калипар, дай мне силы стать воином на твоём пути. Вложи в мои руки свое оружие из черного песка.* — Эти слова успокаивают меня, пока я прячу собственное тело в одежду. Я надеваю золотой корсет, который заканчивается чуть ниже груди и сильно сдавливает ее. Бандаж уже не помогает. Я стала взрослой.

— *Тунис, позволь мне обедать за твоим столом бесконечной смерти в подземном мире до тех пор, пока я не превращусь в красный пепел.* — Застегнув пряжки, я беру черную балаклаву, натягиваю ее, оставляя открытым лишь лицо. Ни одна из золотистых прядей моих волос не должна вылезти наружу. Я тяжело вздыхаю, пока надеваю капюшон и прикрепляю к левой стороне платок, закрывающий все, кроме глаз. Ненавижу так маскироваться, но я в этом не одинока: любой, кто еще не прошел через Бег, живет как фантом. Как человек-невидимка. Такие люди должны быть незаметными и не доставлять хлопот, пока не станут настоящими членами общества.

— *Эмза, даруй мне силу твоего синего льда! Позволь мне оказаться в королевстве, где застыла вся жизнь, где можно забыть о суете дня.*

Я знаю молитву только до этих слов. Марра прочла мне гораздо больше, но я запомнила лишь начало и не могу попросить ее повторить. Отбросив эту мысль, наклоняюсь и зашнуровываю черные сапоги, прежде чем покинуть свою комнату. По правде говоря, она больше похожа на чердак с ветхой лестницей. Никаких дверей, никакого личного пространства. Здесь только солома, на которой я с трудом сплю по ночам.

Мой взгляд падает на младшего брата Ярруша, и руки невольно сжимаются в кулаки, пока я прыжком преодолеваю последний метр до обеденного стола и останавливаюсь рядом с ним.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю брата.

Затем перевожу взгляд на отца, сидящего поодаль, рядом с Яррушем. Отец вздрагивает и качает головой взад-вперед. Со дня смерти Марры ему кажется, что он видит призраков. Теперь у него перед глазами только темные сущности. Нас, детей, он больше не замечает.

— Я есть хочу! — требовательно заявляет Ярруш.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не потерять самообладание. Его жизнь и без того несчастна. Брату приходится постоянно торчать в этой дыре без возможности выйти наружу.

— Почему ты решила помолиться? — спрашивает он, подняв брови, пока я сажусь рядом, взяв корку хлеба, которую он не любит.

— Потому же, почему и ты, — отвечаю я.

Брат недоверчиво смотрит на меня.

— Ага...

— Потому что это помогает мне найти себя и Марру. И потому что тогда боги, возможно, не будут обижаться на нас с тобой. — Я ободряюще треплю Ярруша за розовую щечку.

— Они нас никогда не полюбят. Это наши враги, Сари!

— Ты слишком мал, чтобы судить о таком, — говорю я строго, указывая на кусок хлеба, лежащий на тарелке брата. — Ешь, а потом...

— ...потом убирайся к себе, — сердито заканчивает он фразу.

Да, сегодня что-то действительно его тревожит. Ярруш никогда не был в восторге от того, что ему приходится проводить в маленькой комнатухе под половицами почти весь день, но сейчас он слишком сердит.

— В чем дело? — спрашиваю я, нежно кладя ладонь на его ногу и вглядываясь в моментально меняющееся лицо брата. Из-за опухших век его глаза кажутся маленькими и несимметричными, но если приглядеться, можно увидеть, что они полны любви. Губы у Ярруша

тонкие, едва заметные, а шрам тянется до самого носа, гораздо более узкого, чем у других людей, но мне все в брате кажется красивым. Особенно когда его глаза светятся от восторга во время чтения книги или нашего Священного Писания, которое возвращает ему веру в богов.

Жизнь Ярруша отличается от жизни других детей. Это настоящая игра в прятки, ведь о мутантах вроде моего брата на самом деле нужно сообщать властям. Считается, что такие люди обладают особыми способностями, которые могут быть полезны обществу. Но я, как и Марра, не верю в это. Она скрывала Ярруша, сказав всем, что ее ребенок умер при рождении. Только она, отец и я присутствовали на его якобы похоронах. И только мы знали, что тело, завернутое в золотую льняную ткань нашего королевства, было не младенцем, а поросенком, которого Варра — отец — заколол утром.

Мама годами скрывала Ярруша от наших правителей и армии. Когда она умерла, ее обязанности легли на мои плечи. За все эти годы я ни разу не показала себя Яррушу без маскировки. Просто не хочу, чтобы мой брат думал, будто отличается от других людей. Отличается от меня. Хотя его, возможно, это совсем бы не расстроило.

— Даже если я живу в подполье, я знаю, что произойдет завтра, Сари, — шипит Ярруш и кажется при этом более зрелым, чем обычный восьмилетний ребенок. Жизнь заставила его повзрослеть быстро. Так же, как и меня.

— Мы уже обсуждали это. Я очень скоро вернусь, а пока Варра позаботится о тебе.

Я убираю золотистую прядь волос Ярруша с его запачканного лица.

— Ты врешь! Ты не можешь знать, вернешься ли вообще!

— Ты сомневаешься в моих способностях? — улыбаюсь я, хотя самой становится тошно при мысли о будущем. Я ничего толком не знаю о Беге, потому что никому нельзя говорить о нем, и мне придется разобраться во всем самой, чтобы пройти испытание богов.

— Не сомневаюсь, но...

— Никаких но. Пойдем к тебе. Пробудешь в своей каморке только до тех пор, пока араса не закончит обыск в доме.

Я еле сдерживаю злость. Ненавижу тот факт, что армия монарха, наводящая порядок в нашем королевстве, называется именем богини. Обыски в домах нужны для того, чтобы проверить, нет ли у нас запрещенных вещей. Например, табака. Или детей-мутантов, о которых родители не сообщили властям. Мой взгляд падает на запястье Ярруша. Оно пустое.

— Где твой браслет с монетками?

Я закрываю глаза, потому что нет ни малейшего желания еще раз предупредить брата о последствиях. Но он не облегчает мне задачу, вяло отзываясь:

— В моей каморке.

— Надень его, когда окажешься там.

Ярруш молчит. Он знает цену своего браслета. Я могла бы купить все необходимые для жизни вещи, но вместо этого купила кожаный ремешок и прикрепила к нему монетки. Мы носим такие браслеты не только как украшение, но и в качестве своеобразной платы Тунису, богу смерти. Если с нами что-то случится, мы сможем благополучно перебраться в его подземный мир. По крайней мере, так написано в Хамзе, нашем Священном Писании.

— И что ты собираешься делать? — спрашивает Ярруш высоким и резким голосом, вставая из-за стола, чтобы я могла придвинуть его к стене.

— Поеду в город, прикуплю нам еды.

В последние месяцы я изо всех сил старалась найти как можно больше продуктов. Мое испытание может продлиться пятьдесят дней. Если я не позабочусь о припасах для Варры и Ярруша, они могут умереть от голода.

Я открываю люк, ведущий в крошечную подземную комнатку, и в последний раз смотрю на брата. Воспаленная кожа на его выступающих скулах покрыта рубцами и доставляет ему невыносимую боль.

— Ярруш, прошу, не царапай свое лицо. Мазь с антибиотиком едва не стоила мне жизни, пока я ее доставала. Не трать ее впустую.

— Но оно все время чешется, и я выгляжу ужасно! — Слезы подступают к глазам брата, и он опускает взгляд, чтобы я не увидела.

— Не говори так! — Я похлопываю Ярруша по плечу и поднимаю его голову, придерживая за подбородок. — Никогда так не говори, понял? — У меня разрывается сердце при виде его больших золотых глаз, полных печали. — Ты прекрасен!

Ярруш шумно вдыхает, наклоняется ко мне и целует в щеку, а затем уходит в свою обитель.

Закрыв за ним люк, я замечаю, как на черную ткань, закрывающую часть моего лица, падает слеза. Ненавижу запирать его. Я бы лучше взяла брата с собой. Вывела в город, чтобы он мог познакомиться с настоящим миром. Но я не могу так рисковать. Если Ярруша заметят, то отнимут у меня навсегда.

— Мне пора идти... — говорю я отцу, умоляюще глядя на него.

Он не замечает меня, поэтому я разворачиваюсь, беру свое оружие и ухожу прочь. Я пыталась. Я сотни раз пыталась вывести отца из этого депрессивного транса. Кричала на него и трясла. Я даже схватила его за плечи, хотя таким фантомам, как я, запрещено прикасаться к другим. Я плакала и умоляла, но отец боль-

ше не принадлежал этому миру. Он исчез вместе с моей мамой и уже никогда не вернется. По меньшей мере для меня.

Когда я выхожу из хижины на свежий воздух, какая-то часть меня жаждет почувствовать прикосновение ветра к коже. Ощутить тепло от солнечного света. Но скоро так и будет. Да, скоро я перестану быть фантомом и мне не надо будет скрываться. Я стану частью настоящего человеческого общества и смогу носить все, что захочу. Смогу прикасаться к кому захочу без опаски. Пройдя испытание богов, я больше не буду безымянной.

На мгновение я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и выдох.

Перед испытанием мне нужно еще кое-что сделать, и Ярруш не должен об этом узнать. Никто не посмеет сказать ему об этом.

Я иду через лес по сияющей золотом тропинке, которая ведет в город. Цель мне хорошо известна, но я все-таки останавливаюсь на узких лесных дорожках, осматривая ветхие деревья вокруг и размышляя о предстоящем испытании. Оно уже долго не дает мне покоя. Оно мучает меня постоянно. Каждый год в эту пору проводится Бег, и фантомы, которым исполнилось восемнадцать, обязаны принять в нем участие. Если за пятьдесят дней им удастся пройти четыре королевства и успешно сдать экзамены, они смогут жить в одном из королевств на правах настоящего человека. Но в королевствах есть земли, называемые Утландами, где живут монстры: животные-убийцы и темные существа — наши злейшие враги. А самые опасные из существ, которые могут встретиться мне на испытании, — сами люди. Мысль об этом заставляет покрыться холодным потом. Но когда я пройду через Бег, моя жизнь изменится.

Я помню, как впервые замаскировалась. В тот день Марра одевала меня, читая молитву. Она никогда

не признавала идею объединения королевств, но научилась жить с этим. Смогла выжить при монархе, который установил покровительство над четырьмя королевствами и превратил их в единое целое.

Именно тогда я смогла впервые выйти за порог нашего дома. Дело в том, что, пока нам не исполнится пятнадцать, мы обязаны находиться только внутри. На шестнадцатом году жизни нам можно выходить на улицу, но только если мы полностью скрыты одеждой.

Увидев город издали, я останавливаюсь как вкопанная. Когда вижу золотую пыль, покрывающую землю и дающую начало домам, то мечтаю о другом мире, о мире, в котором нет места нашему монарху Марукку Каррису и его приспешникам. Как гласит Священное Писание, Хамза, истинные правители были бессмертны, но их давно нет: они скончались в этот день ровно девятнадцать лет назад, когда Марукк Каррис одержал победу и, объединив королевства, объявил себя верховным правителем.

У меня пересыхает во рту, когда я думаю о Марукке Карресе, особенно о его сыне Джерри. Джерримас Каррис был гордостью своего отца, пока не погиб во время испытания два года назад. Вместе с ним тогда умерла и часть меня. Для меня Джерри был не просто сыном правителя, он был моим другом. Моим союзником. Моим возлюбленным. Только ему я рассказала о Ярруше.

Раз за разом Джерри воровал лекарства из отцовского дворца и приносил их нам. Он помог Яррушу, когда тот подхватил опасную инфекцию. Только благодаря ему мой младший брат все еще жив. Только благодаря ему я тоже поправилась, когда волна гриппа охватила Королевство золотой пыли в той его части, где жили мы. Джерри не имел ничего общего со своим отцом. Он был лучше, и, вероятно, это стоило ему жизни.

Под ногами шуршит золотистая пыль Арасы. Мое королевство названо в честь этой богини. Как бы я хотела увидеть наших предков! Королей и королев, которых убил Марукк. Но они погибли раньше, чем я родилась. Как жаль, что они уже никогда не вернуться!

— Сари!

Я оборачиваюсь, щури глаза, чтобы узнать моего лучшего друга Керима, если, конечно, его можно считать таковым в нашем мире.

— Не называй меня так, слышишь? — ворчу я, когда Керим идет рядом со мной в своем черном одеянии. Сари — это имя, которое дала мне Марра, но носить его я смогу лишь после того, как стану настоящим членом общества.

Зеленые глаза Керима прямо-таки сверкают. Зеленый — очень необычный цвет глаз для жителя Королевства золотой пыли, но порой встречается. Цвет моих глаз такой же, как и у большинства здешних людей, — золотой. Несмотря на это, Керим узнает меня даже на расстоянии ста метров. Мы здесь все узнаем друг друга. Когда годами скрываешься за одеждой, то учишься воспринимать людей по-другому. Например, легко подмечаешь особенности походки или осанки.

— А почему бы и нет? — смеется Керим.

— Потому что у нас еще нет имен!

— Когда мы пройдем испытание, они появятся, и твоим точно будет Сари. Оно тебе очень подходит. Поэтому я и дальше буду тебя так называть.

Я качаю головой. Керим лучше меня знает, что человека ждет суровое наказание, если он даст себе имя прежде, чем будет принят в общество. Сейчас мы — фантомы, и никто больше, но Керим не готов с этим мириться, так что его уже дважды выпороли. Наверное, это его способ сопротивляться системе.

— Волнуешься? — спрашивает он, когда мы добираемся до торговой площади нашей столицы Голассы.

Многие люди бегают и суетятся, чтобы купить все необходимое или обменять товары у разных торговцев. Когда-то площадь была великолепной и купцы съезжались сюда на золотых повозках. Марра рассказывала мне сотни историй об этом месте. Теперь стены домов, сделанные из песчаника, очень хрупкие и невзрачные, а искусные росписи, отображающие нашу историю, почти стерлись. Золотистая пыль на земле позволяет лишь догадываться о том, насколько блестящими были здешние здания, прежде чем эта красота осыпалась со стен и крыш, с деревьев и даже с людей. Пыль постепенно убрали, а вместе с ней исчезла и часть нашего наследия. Лавки торговцев отныне строят из хрупкого дерева и укрывают товар от солнца рваной льняной тканью.

— Нет, — отвечаю я с замиранием сердца. Это не ложь: я не волнуюсь, а панически боюсь не вернуться и обречь Ярруша на смерть.

— Мне тоже страшно, — бодро говорит Керим, и я знаю, что он не шутит.

В то же время я понимаю, что он слишком легкомысленно относится к таким серьезным вещам, а ведь однажды это может обойтись ему дороже, чем несколько шрамов на спине.

— Я слышал, что наши ровесники из Королевства Калипара уже два года тренируются, чтобы пережить испытание. — Керим оглядывается по сторонам, словно боится обнаружить представителя Калипара в центре Голассы. Этот город — сердце нашего королевства, названного в честь богини света, которая основала Королевство золотой пыли. Араса находится на юге, и лишь кроваво-красная река Сангуис, протекающая через все четыре королевства, на юго-востоке связывает нас с Калипаром. Поговаривают, что на севере, где находится Королевство Эмзы, эта река сама прокладывает себе путь. Посреди рудных год

и голубого льда, покрывающего все Королевство Эмзы. На западе река протекает через Королевство Туниса, за которым находится темный лес, где скоро начнется наше испытание.

— Да и пусть. У представителей Калипара есть только сила, а у нас есть острый ум. — Я прижимаюсь к черному капюшону и улыбаюсь Кериму. Он не видит губ, но замечает улыбку в моих глазах.

Когда я подхожу к ларьку с рыбой, Керим стоит рядом и охает.

— Сари, ты серьезно собираешься съесть все это? Лучше заплати дань монарху.

Я смотрю в одну точку. В последнее время Керим всегда был рядом, когда я покупала продукты, но так и не догадался, что мне надо кого-то кормить дома. Мы с Керимом знаем друг друга очень давно. Мы вместе росли и ходили в школу. Он ни за что бы не поверил, что у меня есть брат.

— Соленая рыба долго хранится, поэтому мы сможем съесть ее после испытания, — отмечаю я.

— Лучше бы ты заплатила дань и получила силу. У тебя еще остался шанс.

Я сжимаю губы. Мы, фантомы, можем отдать дань уважения правителю, а взамен получить дополнительную силу перед началом испытания. Если не отдать монеты добровольно, то силу отберут. Однако все деньги, которые я старательно зарабатывала в последнее время, ушли на еду и книги для Ярруша.

Это очередная привилегия монарха — наделять людей силой или лишать ее. Один из основных навыков, который делает Марукка таким всемогущим.

— Я уже все решила, Керим. — Уверенность моих слов наконец-то заставляет его замолчать.

Я прижимаю ладонь к маленькому кошельку, висящему на бедре. Остались три золотые монеты. Надо использовать их с умом. Эта рыба может испортиться